

УДК 821.161.1-31
ББК 84(4Бел)-44
Б95

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*

Рисунок на обложке *И. Савченкова*

Быков, Василь Владимирович.

Б95 Обелиск. Мёртвым не больно / В. В. Быков. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-17-119528-1 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-119520-5 (Школьное чтение)

Василь Владимирович Быков (1924–2003) – белорусский писатель, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, лауреат государственных премий. Основной жанр его творчества – повести о войне, о человеке в тяжелейших условиях военного времени, о сложности нравственного выбора, который приходится делать в трагические моменты жизни.

В повести «Мёртвым не больно» (1965) после войны бывший фронтовик Василевич вспоминает события двадцатилетней давности... Раненому младшему лейтенанту приказано конвоировать в тыл трёх пленных немцев. В пути они натываются на немецкую танковую часть, завязывается перестрелка...

В сборник вошла также повесть «Обелиск» (1971) о подвиге учителя, добровольно сдавшегося в плен, чтобы поддержать своих арестованных фашистами учеников.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(4Бел)-44

© Быков В.В., насл., 2019
© Ил. на обл. Савченков И.Ю., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

**МЕРТВЫМ
НЕ БОЛЬНО**

Глава 1

Звонит телефон, и она берет трубку.

Мы враз притихаем. Навалившись на отпороженный, широкий, точно прилавок, барьер, мы с нетерпением ждем ее слова, которое должно либо разочаровать нас, либо обрадовать. Вообще-то мы готовы ко всему, было бы только что-то окончательное. Хуже всего в жизни — неопределенность: она отнимает волю к действию. Но женщина, словно избегая того и другого, озабоченно хмурит тонкие подведенные брови. Минута внимания, торопливые отметки в бланках, что лежат перед ней на стекле, скупые профессиональные вопросы кажутся необыкновенно долгими. Наконец она отрывает от уха трубку.

— Товарищи, мест нет.

Над барьером — трудный, продолжительный вздох, разрозненные движения уставших от долгого стояния людей.

— И не будет?

— Не могу сказать.

Снова неопределенность? Жаль.

А гостиница добротная. Считай, в самом центре. С одно-, двухместными номерами. Белока-

фельными ваннами. Зеркальной желтизной паркета. Царской ширины кроватями в номерах. В длинных, на целую улицу, коридорах такие же длинные мягкие дорожки. Между этажами снуют быстроходные лифты. Вежливые тети-горничные первыми здороваются с постояльцами. Такое запоминается. Особенно провинциалу, который раз в год попадает сюда по делам службы. Правда, немного пугает цена, к командировочным приходится добавлять из своего кармана. Но изредка это можно себе позволить. Тем более в годовщину Победы. К тому же выбирать не приходится — в других гостиницах давно уже ни одного места.

Вот только это ожидание...

Напротив за круглым столом освобождается стул (кто-то не выдержал), и я вылезаю из очереди. Лысый, сутуловатый человек с «Известиями» делает за мной шаг вперед. Он поберезет место, а мне уж неважно: ноет нога. Мой мучитель — протез — с первого же шага противно скрипит. Сосед сзади опускает газету. «Молодой, а гляди ты! Калека...» — наверняка думает он. Я отлично угадываю слова и мысли, которые возникают у людей при виде моего увечья, и мне это, признаться, довольно-таки осточертело. К своей незавидной судьбе я уже привык. Правда, за двадцать лет бывало всякое. Случалось, и мучился. В самом деле, еще подмывало припустить за мячом, как стал инвалидом.

Стараюсь ступать как можно ровнее. Кажется, получается лучше, во всяком случае тише.

Но скользкий паркет выдает мою скованность, и опять — приглушенный скрип протеза. Жуликоватый на вид мастер, который его ремонтировал сегодня, говорил, что «притрется». Но вот не «притирается». За столом молодой парень в таком же пестром, как и на мне, пиджаке уважительно подбирает ноги.

— А вы бы ей документы показали. Зачем торчать в этой очереди?

Как всегда, от чужого сочувствия становится немного не по себе, и я бормочу что-то виновато-неразборчивое.

— Должны найти. Неужто для инвалида войны не найдут одного места? — говорит он и, нахмурившись, начинает приводить в порядок ногти.

Я не очень ловко опускаюсь на стул. И откуда ему известно, что я — инвалид войны? А может, несчастный случай? Нарушение правил техники безопасности? Хотя, конечно, выдает возраст...

Парень между тем держит себя так, будто больше меня не замечает. Все его эмоции скрыты под маской холодной сдержанности. Но я чувствую: ко мне он дружелюбен, только маскирует это свое чувство, так же как и любопытство. Почему-то в отношениях между мужчинами так принято, будто выдать свое расположение — слабость.

А мне он чем-то положительно нравится. Может, именно вот этой замкнутостью, которая всегда заставляет предполагать серьезность

и независимость характера. Хотя молодости, пожалуй, больше импонирует искренность. Серьезность и характер приходят с годами, а у молодых подкупает открытость. У этого же сосредоточенное, не очень располагающее к себе лицо. Аккуратная свежая «канадка». На лацкане одностороннего пиджака синий эмалевый ромбик. Ясно, технический вуз. Видно, какой-нибудь инженер, приехал издалека по делам производства. Дома молодая жена, ребенок, малогабаритная квартира где-нибудь на верхнем этаже в новом квартале. И, понятное дело, самая интересная в мире отрасль — электроника или радиотехника. Теперь это сфера увлечения многих. К сожалению, мы в таком возрасте занимались другим, потому и остались, по существу, недоучками. Хотя ничего не поделаешь: время было иное. Каждый мужчина мерил свою ценность солдатскою меркой. Артиллерия, танки, авиация — думалось, это надолго, если не на всю жизнь. Но война порешила иначе. Сколько она отняла сил, засушила талантов. И вот результат — сельский культпросветработник. Сорок рублей зарплата.

Парень замечает мой взгляд и мое затаенное к нему любопытство. Дальше молчать нам уж просто неловко. Он вынимает из кармана пачку «Шипки» и привычным жестом протягивает ее мне:

— Курите?

— Нет, спасибо.

— Бросили или не начинали?

— Когда-то начинал, да помешало ранение.

В секундном недоумении он поглядывает на мои ноги, затем более продолжительным взглядом окидывает борты пиджака. Я его понимаю без слов: какая может быть связь между ранением и куревом? Но стоит ли упоминать еще и о ранении в грудь, которое чуть не окончилось для меня финалом? К тому же парень, наверно, ожидал увидеть на пиджаке орденские планки. Конечно, он человек образованный, кое-что читал про войну и, пожалуй, готов видеть во мне героя. Но оттого, что уже надоело объяснять все это, теперь я молчу. Парень прикуривает сигарету и круто поворачивается на стуле. Возле администратора начинается оживление. Не появились ли вдруг места?

Нет, кажется, тревога напрасная. В очередь пробует влезть какой-то простодушный дядька. Он в новой стеганке, с огромным чемоданом-сундуком и полной сеткой батончиков. Наверное, из деревни. Становится в хвост очереди дядька не хочет и плечом и локтем пробует втиснуться между толстяком с пакетом под мышкой и человеком в кожаной куртке. Толстяк с опозданием поднимает тревогу:

— Куда лезете? Куда лезете? Вы где стояли?

— Ну стоял. Ну! А как же, если бы не стоял! Стоял. Что я, врать буду?

— Где, покажите, где вы стояли?

Дядька, видно по всему, нигде не стоял, но он во что бы то ни стало хочет занять место побли-

же к администратору. К тому же он успел уже просунуть между людьми руку и вцепиться в никелированный бортик барьера. Теперь дядьку не сдвинуть. Многотерпеливой очереди это, ясное дело, не нравится, и она множеством глаз молчаливо осуждает нарушителя гостиничной этики. Из-за барьера в конфликт уверенно вступает администраторша.

— Дядька, а паспорт у вас есть? — искушенно бьет она в его самое уязвимое место.

Дядька растерянно переспрашивает:

— Кого?

— Паспорт! Паспорт, говорю, у вас есть?

Должно быть, понимая всю сложность своего положения, дядька старается выиграть время. Мнетса, дергает плечом, лезет зачем-то в карман, сдвигает на затылок черную кепку. Но очередь ждет, и отвечать, хочешь не хочешь, надо.

— Паспорт? Да это самое... Какой паспорт? Паспорта нету.

— А что же вы лезете? У нас строгий паспортный режим. Мы вас не можем поселить без паспорта.

Дядька внимательно выслушивает женщину. Голос администраторши незлобивый, с нотками сочувствия, обмана не должно быть, и дядьку это повергает в смущение. На морщинистом лбу его бисером выступает пот. Минуту дядька раздумывает, но руки от барьера не отнимает. На всякий случай.

— Вам же русским языком объяснили! — нервничает толстяк. — Вы что, не понимаете? Это хамство, в конце концов.

Однако действительно похоже, что дядька не понимает или, может, не хочет понять. Тогда из очереди к нему выскакивает вертлявый, разбитной с виду человек. Всепонимающим взглядом гостиничного старожилы он бегло окидывает дядьку. Черный плащ на его плечах шуршит, как жестяной.

— Я сейчас ему разъясню. А ну, гражданин, чуток в сторонку, чтоб не мешать и так далее. Куда вы встречаете? Вы понимаете? Вы что же себе думаете? А вон, гляньте, милиция. Да не туда смотрите — вон, возле швейцара. Видите? Ну вот! Стоит доложить и... Понятно?

Дядька озабоченно посматривает то на человека в плаще, то на милиционера у входа и начинает оправдываться:

— Да я что?.. Я ничего. Думал...

— А вы не думайте! Вы выполняйте. Порядок положено выполнять. За нарушение порядка — уголовная ответственность. А как же вы думали?

Очередь снисходительно наблюдает за говоруном и дядькой. Это забавляет. Некоторые про себя улыбаются. Ишь, «заливает»! «Заливает» действительно неплохо. Видно, опытный спец по такого рода делам, так как дядька вскоре, оглядываясь, боком подается к выходу.

— Дремучий народ! — пожимает плечом человек и облакачивается на барьер. — Так и норовит обойти закон.

— Законник! — язвительно проговаривает мой сосед и вытягивает под столом ноги.

«Законник» откровенно плутовским взглядом снизу вверх окидывает администраторшу и налегает на барьер. Через минуту он уже сыплет там шутками. И все у него получается легко и просто. Со стороны кажется: весельчак-человек! Не то что остальные, в дремотном ожидании понуро стоящие возле барьера.

Мой сосед, однако, придерживается иного мнения:

— Развелось паразитов... Думаете, он так себе увивается? Тоже хочет без очереди влезть. Разве не видно?

Кто его знает? Возможно, и так. Минуту я наблюдаю, как он распинается перед администраторшей. Но очередь молчит, ничего плохого не подозревая, и я отворачиваюсь.

Сосед откидывается на спинку стула.

— Приспособились, как микробы к антибиотикам. Ни Уголовным кодексом, ни дружинниками, ни милицией — ничем их не проймешь.

Это, конечно, верно. Но мне как-то неловко хаять человека, которого совсем не знаешь. Парень подвигается на угол стола:

— Скажите, вот вы воевали. Неужто так же было? Или там все-таки по-другому с ними обращались?

Да, видно, на войне было несколько проще. Подлость там более заметна. Перед смертью, ясное дело, маскироваться труднее. Но такого рода типы приспособлялись и на войне. Парень с легким недоверием выслушивает меня, вздыхает и вдруг окончательно сбрасывает с себя маску отчужденности.

— И все же я завидую вам.

Это у него вырывается по-мальчишески просто и так естественно, что не оставляет никакого сомнения в искренности. И хотя я уже не первый раз слышу подобное, все же не могу не удивиться: чему люди завидуют? Знают ли они то, о чем говорят? Парень коротко поясняет:

— Вы если на что решались, так без оглядки. Не кривя душой. Если уж били, то размахнувшись — и до обуха!

Отчасти так, но на деле все было сложнее. На войне не слишком лицемерили, это правда. Но ударить на полный взмах не всегда удавалось. Были причины, которые придерживали за руку. Мой сосед курит, сквозь дым выжидательно поглядывает на меня. Я же молчу. Видно, надо ответить. Но одной фразой не обойтись. Нужен долгий разговор, который тут не к месту.

Глава 2

В вестибюле приглушенный говор, стук дверей, то и дело доносится грохот машин с улицы. По ту сторону большого окна безостановочно